

К ВОПРОСУ О БОЕСПОСОБНОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ В 1920-е ГОДЫ

*Работа представлена кафедрой новейшей отечественной истории
Ивановского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Ю. А. Ильин

В статье дан анализ факторов, влияющих на боеспособность территориальных частей Красной Армии в 1920-е годы.

***Ключевые слова:** боеспособность, Красная Армия, территориальные формирования.*

L. Burtsev

ON FIGHTING CAPACITY OF TERRITORIAL UNITS OF THE RED ARMY IN THE 1920S

The analysis of factors that influenced fighting capacity of territorial units of the Red Army in the 1920s is presented in the paper.

***Key words:** fighting capacity, Red Army, territorial formations.*

1920-е годы в области военного строительства стали годами масштабного реформирования рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА), одним из главных направлений которого было устройство Вооруженных сил страны на основе сочетания кадрового и территориально-милиционного принципов. Какова была боеспособность территориально-милиционных формирований РККА в означенный период?

Как показывают архивные документы, на уровень боеспособности территориально-милиционных частей РККА в 1920-е годы влиял целый ряд факторов. Одни из них находились в области несовершенства организационно-методического характера проведения учебных сборов. Об уровне эффективности обучения красноармейцев-переменников на сборах красноречиво свидетельствуют результаты инспекторских проверок РККА. В докладе помощника Инспектора РККА по пехоте Н. Я. Котова Инспектору РККА С. С. Каменеву от 9 ноября 1925 г. сообщалось, что краткосрочные сборы переменников «не дали положительных результатов в силу отсутствия правильного подхода к их организации, незнания начсоставом чему и как обучать» [5, л. 1]. Согласно данным С. Я. Котова, части вошли в лагерь недостаточно подготовленными к летней учебе в смысле проработки планов обучения и проведения такового.

В документе отмечалось значительное опоздание директив на летний период обучения по округам [5, л. 3]. Поздние указания о подготовке и о летней учебе повлекли повсеместное отсутствие к моменту выхода в лагерь детально разработанных программ и планов занятий. Все это влекло за собой в последующей летней учебе территориальников большую «импровизацию» и, зачастую, неразбериху.

В силу отсутствия однообразного подхода к задачам сборов в каждом округе ставились особые задачи (каждая территориальная дивизия по-своему подходила к обучению). Западный военный округ вообще не ставил каких-либо задач [5, л. 5].

Сложившаяся ситуация отразилась на тактической подготовленности мелких под-

разделений (взвода и роты) в отрицательную сторону.

Оценивая уровень боеготовности терчастей по результатам маневров, проводившихся во всех военных округах, за исключением Ленинградского военного округа в 1926 г., начальник Штаба РККА М. Н. Тухачевский в ноябре 1926 г. отмечал: «Маневры показали, что кадры стрелковых дивизий стоят выше по боевой подготовке, чем территориальные стрелковые дивизии со своим переменным составом» [6, л. 20].

В докладе Управления по войсковой мобилизации и укомплектованию ГУ РККА в НКВМ «Об итогах территориального строительства за 1927 год» от 19 июня 1928 г. сообщалось: «...общевойсковая подготовка не достигла желаемых результатов. Наиболее слабым местом в подготовке территориальных войск являются: слабость общевойсковой подготовки кадрового комсостава; медлительность и вялость в действиях» [7, л. 2].

Приведенные выше факты дают основание считать, что, рассматривая вопрос о боеспособности территориальных частей в 1920-е гг., справедливо было бы говорить о его низком уровне.

Другой причиной низкой боеготовности территориальных дивизий можно считать чрезмерную перегрузку кадрового состава терчастей в рассматриваемый период. Нагрузка на территориальные войсковые части, помимо решения основных задач по обучению призывных контингентов, в исследуемый период заключалась: в переподготовке комсостава запаса, в лагерных сборах студентов вузов, в проверочных сборах так называемых запасных (младшего начсостава и рядовых, находившихся в запасе), в подготовке призывников для топографических отрядов и местных стрелковых войск, в обучении призывников для войск ОГПУ [8, л. 83].

Кроме того, кадры территориальных войск принимали участие в обучении допризывников и лиц, проходивших военное обучение вневойсковым порядком. Все эти «наряды» ложились тяжелой нагрузкой на кадровый состав территориальных частей, от-

влекая средний и младший командный состав от его прямых обязанностей.

Еще одна причина низкого уровня боеспособности терчастей в исследуемый период, по нашему мнению, заключалась в кратковременности непосредственного боевого обучения на сборах переменного состава (8–12 месяцев за 5 лет) и значительных временных перерывов между ними. С одной стороны, в силу больших перерывов между учебными сборами все усвоенное на последних сборах до следующего учебного сбора переменным составом забывалось, с другой – обучить переменный состав в течение непродолжительного сбора было весьма затруднительно. В обзоре ГУ РККА о состоянии Красной Армии в 1927–1928 гг. от 31 октября 1928 г. отмечалось, что в стрелковых территориальных частях в новобранческий период едва укладывается подготовка их в стрельбе с удовлетворительным результатом. В документе констатировалось, что «обучить переменный состав стрельбе в должной мере не удастся» и «территориальные войска имеют о батальонной артиллерии только теоретическое представление» [8, л. 50].

Насколько же различался объем программного учебного времени в кадровых и территориальных частях? В кадровых частях на протяжении исследуемого периода количество учебных часов за весь период обучения составляло 2452. В территориально-милиционных – 1984. На первый взгляд, число учебных часов было почти одинаково. Однако приведенные цифры не дадут правильного представления о состоянии процесса обучения в территориальных частях, если не учесть ряд следующих факторов.

Во-первых, несвоевременность явки терармейцев. По данным ГУ РККА, явка терармейцев на протяжении исследуемого периода составляла 95%, т. е. была вполне высокой [9, л. 66]. При этом данные ОГПУ указывали, что опоздание на сборы на 3–7 дней и более составляли «нормальное и массовое явление» [9, л. 49, 53]. А при значительном числе опаздывавших страдало качество подготовки не только последних, но и прибывших своевременно.

Во-вторых, по учебе терармейцев «били» самовольные отлучки. По данным ГУ РККА за 1925–1929 г., число находившихся в самовольной отлучке доходило местами до 20%. Есть свидетельства о массовых самовольных уходах – до 1000 человек в день на одну дивизию [9, л. 66].

В-третьих, отрицательное воздействие несло своеобразие социокультурных особенностей личного состава территориальных частей. На протяжении исследуемого периода основную массу военнослужащих (около 4/5) составляли крестьяне и неквалифицированные рабочие (от призыва освобождались квалифицированные рабочие и служащие советского аппарата) [1, л. 16]. Поэтому переход к насильственным методам в аграрной сфере негативно отразился на настроениях личного состава РККА. В течение 1920-х гг. армию сотрясали «крестьянские настроения» – повышенный интерес крестьянских слоев армии к событиям в деревне, желание скорейшего возвращения домой, недовольство деятельностью властей в отношении деревни. [15, л. 48–50; 14, л. 88]. Кроме того, характерной особенностью преимущественно крестьянского красноармейского состава в исследуемый период была крайне низкая его общеобразовательная подготовка. Среди призванных на военную службу в Московском военном округе в 1924–1925 гг. неграмотные составляли иногда около 20%, малограмотные примерно 60% [4, л. 16].

Вышеуказанные социокультурные особенности личного состава терчастей РККА позволяют понять логику построения территориальных дивизий по трем типам: первоочередные дивизии с постоянным кадром 2400 человек и переменным составом 10 681 человек; второочередные дивизии двух видов: формирувавшиеся при кадровых дивизиях с постоянным кадром 604 человека и переменным составом 11 750 человек и формирувавшиеся при первоочередных территориальных дивизиях с постоянным кадром 622 человека и переменным составом 11 734 человека; ячейки первоочередных дивизий с постоянным кадром 190 человек [3, л. 118].

Соотношение кадрового и переменного состава определялось в них социальным, культурно-политическим и общеобразовательным уровнем переменников, а также профессиональным уровнем кадрового состава. Это, в свою очередь, являлось еще одной причиной низкой боеспособности территориальных частей, которую можно обозначить как несовершенство принципиального устройства последних.

Постоянный кадр первоочередной дивизии (2400 человек) составлял 16% ее штатного состава военного времени, в то время как в кадровой стрелковой дивизии постоянный кадр равнялся 34% состава военного времени. Но первоочередные территориальные дивизии имели то преимущество, что в составе их постоянных кадров средний и младший комсостав составлял 54% штатного состава военного времени, в то время как в кадровых дивизиях он не превышал 41% [4, л.16]. Остальной командный состав до штатов военного времени находился в переменном составе и привлекался на учебные сборы, а также через военно-научные кружки и клубы вовлекался в постоянную связь с кадрами.

Во второочередных территориальных дивизиях постоянный состав равнялся примерно 6% штата военного времени. Таким образом, второочередные территориальные дивизии не могли вести самостоятельной боевой подготовки вследствие малочисленности кадров и отсутствия среднего комсостава, так как по существовавшим штатам предусматривалось, что командиры взводов второочередных территориальных частей должны были выступать в качестве помощников командиров взводов основных кадровых и первоочередных территориальных частей [12, л. 28]. Во время сборов новобранцев и переменного состава второочередных дивизий основная тяжесть работы с ними падала на первооче-

редные территориальные и кадровые дивизии. Вследствие некомплекта кадров в личном составе и особенно отсутствия младшего комсостава первоочередным территориальным и кадровым дивизиям приходилось во время сборов отдавать в свои второочередные дивизии часть командного состава, а также часть административного и обслуживающего аппарата. В результате страдала подготовка кадровых и особенно первоочередных территориальных дивизий, так как им приходилось дважды проводить сборы новобранцев и переменного состава. Это, в свою очередь, лишало первоочередные дивизии возможности вести нормальную подготовку допризывников в своих районах, а также работу с переменным составом между сборами и подготовку собственных кадров. В то же время зависимость второочередных дивизий от первоочередных и кадровых связывала их и не позволяла им развернуть планомерную работу [13, л. 14]. Все это свидетельствовало о нежизнеспособности штатов второочередных территориальных дивизий.

Что касается третьеоочередных дивизий с кадром 190 человек, то они представляли собой только основу для развертывания дивизий во время войны.

Таким образом, потенциально низкий уровень боеспособности территориально-милиционной системы был заложен в изначальных принципах ее устройства. Указанные обстоятельства не способствовали формированию РККА как единой сплоченной боевой структуры. Серьезные боевые действия такой армии были бы не по плечу. Вероятнее всего, в 1920-е гг. территориальная система была нацелена скорее не на проведение крупномасштабных военных операций, а главным образом предполагала привитие необходимого минимума военных знаний наибольшему из возможного количеству лиц призывного возраста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 67. Оп. 803. Д. 50. Л. 16.
2. Государственный архив Нижегородской области (ГАНО). Ф. 47. Оп. 39. Д. 26. Лл. 6–19.
3. КПСС о вооруженных силах Советского Союза. М.: Воениздат, 1962. 243 с.
4. Личный состав РККА в социально-демографическом отношении. М: Воениздат, 1928. 257 с.
5. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 7. Оп. 3. Д. 198. Л. 1–5.

ИСТОРИЯ

6. РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 151. Л. 20.
7. РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 827. Л. 2.
8. РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 826. Л. 50, 83.
9. РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 68. Л. 66.
10. РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 823. Л. 14–16.
11. РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 823. Л. 19.
12. РГВА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 58. Л. 28
13. РГВА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 64. Л. 14.
14. *Romano Andrea*. Contandine in uniforme / L'Armata Rossa e la collettivizzazione delle campagne nell'URSS / Firenze. 1999. – 480 p.
15. *Тархова Н. С.* Армия и крестьянство: Красная армия и коллективизация советской деревни. М.; СПб.: Летний сад, 2006. 250 с.

SPISOK LITERATURY

1. Gosudarstvennyy arkhiv Vladimirskoy oblasti (GAVO.) F. 67. Op. 803. D. 50. L. 16.
2. Gosudarstvennyy arkhiv Nizhegorodskoy oblasti (GANO.) F. 47. Op. 39. D. 26. L. 6–19.
3. KPSS o vooruzhennykh silakh Sovetskogo Soyuza. M.: Voenizdat, 1962. 243 s.
4. Lichnyy sostav RKKA v sotsial'no-demograficheskom otnoshenii. M: Voenizdat, 1928. 257 s.
5. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyennyy arkhiv (RGVA.) F. 7. Op. 3. D. 198. L. 1–5.
6. RGVA. F. 4. Op. 2. D. 151. L. 20.
7. RGVA. F. 4. Op. 3. D. 827. L. 2.
8. RGVA. F. 4. Op. 1. D. 826. L. 50, 83.
9. RGVA. F. 4. Op. 14. D. 68. L. 66.
10. RGVA. F. 33987. Op. 1. D. 823. L. 14–16.
11. RGVA. F. 33987. Op. 1. D. 823. L. 19.
12. RGVA. F. 9. Op. 1. D. 58. L. 28.
13. RGVA. F. 9. Op. 3. D. 64. L. 14.
14. *Romano Andrea*. Contandine in uniforme / L'Armata Rossa e la collettivizzazi-one delle campagne nell'URSS. Firenze. 1999. 480 r.
15. *Tarkhova N. S.* Armiya i krest'yanstvo: Krasnaya armiya i kollektivizatsiya sovetskoy derevni. M.; SPb.: Letniy sad, 2006. 250 s.